

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)''18/19''+055.2-056.83

DOI: 10.26456/vthistory/2021.1.005-019

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ПРЕСТУПНОСТЬ И АЛКОГОЛИЗАЦИЯ

Г. В. Карандашев

Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия.

В статье рассматриваются различные формы женского отклоняющегося поведения в конце XIX – начале XX в. Автор уделяет особое внимание изучению взаимосвязи женской преступности и алкоголизации. Подчеркивается, что уровень женской преступности и её динамика были связаны с социально-экономическим и политическим положением женщины в социуме. С конца XIX в., по мере сближения условий жизни полов в условиях развивавшихся процессов капиталистического развития, женская преступность приближалась к мужской, фабричные работницы стали новым обширным классом потребителей алкоголя стали. Делается вывод, что наиболее болезненно последствия женского пьянства проявлялись на низших ступенях социальной лестницы, а преступность, проституция, психические и венерические заболевания зачастую сопутствовали этому явлению.

Ключевые слова: отклоняющееся поведение, алкоголизм, преступность, проституция, эмансипация, модернизация.

Одним из противоречивых периодов в истории нашей страны был рубеж XIX – начала XX в., когда проходила масштабная трансформация и модернизация российского общества. Именно в такие периоды истории наиболее ярко проявляются различные виды отклоняющегося поведения. В периодической и научной печати рассматриваемого времени особое внимание уделялось проблемам преступности и алкоголизации населения, которые зачастую рассматривались совместно. Затрагивались при этом и другие формы негативного отклоняющегося поведения, такие, как проституция и суицид. Изучение данной тематики представляется особенно актуальным для современной России, где на рубеже XX – XXI вв. также произошёл мас-

штабный социокультурный сдвиг, негативные последствия которого не утихают до настоящего времени. Анализ общественных отклонений рассматриваемого периода, без сомнения, может помочь в решении сегодняшних насущных проблем.

Активное развитие криминологии в России происходило в XIX в. Так стала называться наука о преступности, её причинах, личности правонарушителя, а также о мерах борьбы с преступностью. Параллельно шло становление криминалистики – системы специальных приёмов и средств собирания, исследования и оценки судебных доказательств. Женская преступность, как отдельное социальное явление, стала изучаться в России во второй половине XIX в. Важный вклад в разработку данного вопроса внесли исследователи П. Н. Тарновская, М. Н. Гернет, И. Я. Фойницкий, Н. Л. Зеланд и др.¹. Их интересовали аспекты, связанные с причинами и характером женских правонарушений.

В советские годы разработкой проблем, связанных с преступностью в царской России в конце XIX – начале XX в., успешно занимался С. С. Остроумов². Особое внимание он уделял причинам совершения преступлений и криминалистической статистике.

В новейшей отечественной историографии, посвящённой женской преступности пореформенного периода, внимания заслуживает работа С. Г. Куликовой, в которой рассмотрена проблема соотношения процессов модернизации и различных видов женских девиаций³. Кроме того, появился ряд важных научных изысканий, основанных на материалах региональных архивов. Так, А. П. Богомаз обращалась к вопросам домашнего насилия и

¹ Тарновская П. Н. Женщины-убийцы. СПб., 1902; Гернет М. Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911; Фойницкий И. Я. Женщина – преступница // Северный вестник. 1893. № 2. С. 123–144. № 3. С. 111–140; Зеланд Н. Л. Женская преступность. СПб., 1899.

Tarnovskaja P. N., *Zhenshhiny-ubijcy*, SPb., 1902; Gernet M. N., *Detoubijstvo. Sociologicheskoe i sravnitel'no-juridicheskoe issledovanie*, M., 1911; Fojnickij I. Ja., *Zhenshhina – prestupnica*, Severnyjvestnik, 1893, № 2–3; Zeland N. L., *Zhenskaja prestupnost'*, SPb., 1899.

² Остроумов С. С. Преступность и её причины в дореволюционной России. М., 1960.

Ostroumov S. S., *Prestupnost' i ee prichiny v dorevoljucionnoj Rossii*, M., 1960.

³ Куликова С. Г. Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX веков). М., 2011.

Kulikova S. G., *Zhenskaja prestupnost' kak social'nyj faktor rossijskoj modernizacii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vekov)*, M., 2011.

детоубийства в Тверской губернии⁴, а М. В. Пулькин изучает проблемы преступности и девиантного поведения в Олонецкой губернии⁵. Большой интерес вызывают труды В. Б. Безгина, в которых с опорой на анализ масштабного спектра исторических источников освещены различные стороны крестьянской повседневности, в том числе женское отклоняющееся поведение конца XIX – начала XX вв.⁶

В современных гендерных исследованиях женские правонарушения представлены как относительно самостоятельный структурный элемент всей преступности. Отмечено, что преступное поведение женщин отличается от мужского способами и орудиями совершения преступлений, и масштабами, и другими компонентами. Подчёркивается, что эти особенности связаны с исторически обусловленным местом женщины в системе общественных отношений, её социальными ролями и функциями, её биологической и психологической спецификой⁷.

Под преступлением традиционно понималось общественно опасное явление, запрещённое уголовным законом. Среди факторов преступности во главу угла зачастую ставились возраст и пол. Все же признавалось, что физиологический возраст не являлся определяющим фактором преступлений. Физиологическое влияние возраста уступало своё место другим более сильным влияниям социального порядка. Но от возраста зачастую зависели виды

⁴ Богомаз А. П. Преступница или жертва: домашнее насилие в России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Тверской губернии) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 2. С. 143–153; *Её же*. Детоубийство как типичное женское преступление конца XIX – начала XX вв. На материалах Тверской губернии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2011. № 1. С. 115–122.

Bogomaz A. P., *Prestupnica ili zhertva: domashnee nasilie v Rossii v konce XIX – nachale XX v. (na materialah Tverskoj gubernii)*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2015, № 2, S. 143–153; Bogomaz A. P., *Detoubijstvo kak tipichnoe zhenskoe prestuplenie konca XIX – nachala XX vv. Na materialah Tverskoj gubernii*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2011, № 1, С. 115–122.

⁵ Пулькин М. В. Российская преступность в начале XX века (по материалам Олонецкой губернии) // Политика, государство и право. 2013. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://politika.snauka.ru/2013/11/1051>. (Дата обращения: 11.01.2021); Пулькин М. В. Девиантное поведение в XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 84–90.

Pul'kin M.V., *Deviantnoe povedenie v XVIII – nachale XX v. (po materialam Oloneckoj gubernii)*, Kul'turno-istoricheskaja psihologija, 2008, № 2, S. 84–90.

⁶ Безгин В. Б. Крестьянская повседневность: традиции конца XIX – начала XX века. М., 2004; *Его же*. Детоубийство и плодоизгнание в русской деревне (1880–1920-е гг.) // Право и политика. 2010. № 5. С. 972–977; *Его же*. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М., 2017.

Bezgin V. B., *Krest'janskaja povsednevnost': tradicii konca XIX – nachala XX veka*, М., 2004; Bezgin V. B., *Detoubijstvo i plodoizgnanie v russkoj derevne (1880–1920-egg.)*, Pravoipolitika, № 5, 2010, S. 972–977; Bezgin V. B., *Povsednevnyj mir russkoj krest'janki perioda pozdnej imperii*, М., 2017.

⁷ Тезаурус терминологии гендерных исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/thesaurus.htm>. (Дата обращения: 11.01.21).

совершенных преступлений. Так, например, для малолетних преступников было характерно воровство, а грабежи и подлоги были редкостью, что объяснялось физической и умственной недоразвитостью. Для стариков были редкостью политические преступления ввиду так называемых «задерживающих стимулов»⁸.

Другим определяющим моментом считалась половая принадлежность. Традиционным женским преступлением в конце XIX – начале XX в. оставалось детоубийство (убийство ребенка сразу после его рождения) и оставление без помощи новорожденного. Разбои, кражи, мошенничество были более чем на 90 % «мужскими деяниями», а преступления против новорожденных – почти на 100 % – женскими⁹. Новорожденный в крестьянской среде мог быть обузой для матери, препятствием в устройстве на работу. Препятствие устранялось насильственной смертью ребёнка¹⁰.

С конца XIX в. стремительно росло количество лиц, осужденных за те или иные преступления. В 1874 г. примерное число осужденных на 100 тыс. населения составляло от 50 до 90, а в 1912 г. – от 150 до 200 чел. соответственно. Таким образом, за рассматриваемый период этот показатель увеличился примерно в 2 раза. Быстрыми темпами росло число имущественных или корыстных преступлений, особенно экономических (нарушение торговых и кредитных уставов, подлоги в актах, обязательствах и т. д.)¹¹.

Новой особенностью преступности конца XIX – начала XX в. стало увеличение доли правонарушений со стороны женщин. Так, по сравнению с 1884–1889 гг., в 1889–1893 гг. мужская преступность увеличилась на 10 %, а женская – на 25 %. Количество преступлений, совершенных женщинами против собственности возросло на 14,7 %, против общественной нравственности – на 48,0 %, убийств – на 6,3 %, случаев нанесения телесных повреждений – на 67 %¹².

Всего женщинами совершалось порядка 12 % от общего количества преступлений. Таким образом, участие мужчин и женщин в преступной деятельности было неодинаково. Лишь только против жизни ребенка, как правило, одинокие матери совершали на порядок больше злодеяний.

⁸ Гернет М. Н. Социальные факторы преступности [Электронный ресурс]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gernet/05.htm>. (Дата обращения: 11.01.21).

⁹ Гернет М. Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. С. 112.

Gernet M. N., *Detoubijstvo. Sociologicheskoe i sravnitel'no-juridicheskoe issledovanie*, S. 112.

¹⁰ Тарновская П. Н. Женщины-убийцы. С. 310.

Tarnovskaja P. N., *Zhenshhiny-ubijcy*, S. 310.

¹¹ Лунеев В. В. Преступление и наказание в России [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2006/03/31/demoscope239>. (Дата обращения: 11.01.21).

¹² Сикорский И. А. О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России. Киев, 1899. С. 64–65.

Sikorskij I. A., *O vlijanii spirtnyh napitkov na zdorov'e i нравstvennost' naselenija Rossii*, Kiev, 1899, S. 64–65.

Сужение поля политической деятельности и ограничение возможности нести государственную службу приводили женщину к меньшему, чем мужчину, количеству служебных и политических преступлений. Экономические условия толкали их на путь проституции и преступлений против собственности, а условия половой жизни того времени приводили к рождению внебрачных детей, детоубийствам, абортам, подкидыванию детей¹³.

В преступлениях женщин отражались особенности их образа жизни, восприятия жизненных ситуаций. В мотивации преступной деятельности у женщин как при совершении корыстных, так и насильственных преступлений большое значение играли мотивы, тесно связанные с семейно-бытовой сферой. Поведение женщин в значительной мере определяли и преступления без чётко выраженного мотива¹⁴.

Из этого следует, что уровень женской преступности во многом был связан с социально-политическим положением женщины в обществе. С конца XIX в. участие женщин во всех сферах жизни Российского государства постепенно расширялось. По мере сближения социальных условий жизни полов женская преступность качественно приближалась к мужской. Модернизация, эмансипация повышали процент женских преступлений, ранее характерных для мужчин. Кроме того, данный процесс проявлялся во включении тысяч женщин в революционное движение, неповиновении властям, неприятии принятых в обществе ценностей и норм.

Важным фактором, влиявшим на уровень показателей преступности, являлась алкоголизация населения. Алкогольная проблема была вплотную связана с преступностью. На нарушения закона людей толкала как наркотическая зависимость от спиртного, так и само состояние опьянения, в котором совершалось до 40 % нарушений закона.

Одним из глубоких исследований по теме влияния потребления алкоголя на развитие преступности следует считать работу Н. И. Григорьева, основанную на материалах петербургских городских больниц и архива петербургского окружного суда. Н. И. Григорьев анализировал больничную статистику алкоголиков в Петербурге, распределение алкоголиков по полу и возрасту, семейному положению и вероисповеданию, сословиям и занятиям, месту рождения¹⁵.

Обращаясь к статистике потребления спиртных напитков в Петербурге с конца XVIII в., данным среднедушевого потребления, Н. И. Григорьев пришёл к выводу о том, что горожане злоупотребляли спиртными

¹³ Гернет М. Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. С. 105.

Gernet M. N., *Detoubijstvo. Sociologicheskoe i sravnitel'no-juridicheskoe issledovanie*, S. 105.

¹⁴ Энциклопедия юриста [Электронный ресурс]. URL: <https://bzbook.ru/Encziklopediya-yurista.1733.html>. (Дата обращения: 12.01.21).

¹⁵ Григорьев Н. И. Алкоголизм и преступления в г. С.-Петербурге. СПб., 1900. С. 127–166.

Grigor'ev N. I., *Alkogolizm i prestuplenija v g. S.-Peterburge*, SPb., 1900, S. 127–166.

напитками. Причины пьянства и роста преступности он видел в социальной неудовлетворенности и нерешённости «рабочего вопроса»¹⁶.

Профессор уголовного права С. В. Познышев заявлял, что алкоголизм являлся деятельным фактором преступности. Алкоголь ослаблял самоконтроль, приводил к нравственному вырождению человека. Параллельно с ростом потребления алкоголя росла преступность. Среди преступников было много алкоголиков, и многие преступления совершались в состоянии опьянения. Преступления, в которых личное раздражение, возбуждение и несдержанность играли большую роль, особенно часто совершались в состоянии алкогольного опьянения. С. В. Познышев был сторонником «сухого закона» и в своём исследовании прославлял Николая II, способствовавшего его установлению¹⁷.

Влияние алкоголизма на состояние общества и преступность было несомненным – об этом свидетельствовали не только данные уголовной статистики, но и «не поддававшиеся цифровому учёту состояния психической неуравновешенности, вырождения, ослабления чувства взаимной солидарности», влекущие за собой преступления, писал И. М. Диомидов¹⁸.

Разложение семьи, неустройство и ослабление семейных отношений, характеризовавших цивилизацию в особенности в городских и промышленных центрах, составляло главную причину роста детской преступности. Пьянство у детей встречалось гораздо чаще, чем было принято думать. Глубоко укоренившиеся обычаи выпивки и почти полное отсутствие доступных народным массам разумных развлечений служили причиной того, что время праздничного отдыха проводилось населением в «гостеприимных увеселительных заведениях: трактирах и пивных». А наибольшее количество преступлений, совершённых в состоянии опьянения, приходилось на праздничные и выходные дни¹⁹.

В 1897–1898 гг. в Санкт-Петербурге из 10 тыс. правонарушений 1643 совершили те, кто злоупотреблял алкоголем. Ещё в 2333 случаях подсудимые были пьяны, хотя отзывов о них как о пьяницах не поступило. Наиболее характерным преступлением для лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, было изнасилование, богохульство, причинение телесных повреждений, воровство и разбой²⁰.

Необходимо при этом отметить, что доля преступлений, совершённых несовершеннолетними в нетрезвом виде, была значительно ниже. В тоже

¹⁶ Там же. С. 52–55.

Ibid, S. 52–55.

¹⁷ Познышев С.В. Алкоголизм как фактор преступности. М., 1915. С. 30–70.

Poznyshv S.V., *Alkogolizm kak faktor prestupnosti*, М., 1915, S. 30–70

¹⁸ Диомидов И.М. Алкоголизм, как фактор преступности несовершеннолетних. М., 1912. С. 1.

Diomidov I.M., *Alkogolizm, kak faktor prestupnosti nesovershennoletnih*, М., 1912, S. 1.

¹⁹ Там же. С. 7–14.

Ibid, S. 7–14.

²⁰ Григорьев Н.И. Алкоголизм и преступления в г. С.-Петербурге. С. 206–207.

Grigor'ev N.I., *Alkogolizm i prestuplenija v g. S.-Peterburge*, S. 206–207.

время алкоголизация также располагала детей и подростков к различным проступкам. Например, в 1908 г. в Москве было задержано 439 малолетних правонарушителей, 84 из которых были пьяны (19 %) ²¹.

Наибольшая часть нарушений закона несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения приходилась на 16–17-летний возраст, что можно связать с получением молодыми людьми самостоятельности и влиянием дурного окружения. Количество правонарушений со стороны девочек, находившихся в пьяном виде, было значительно ниже. Так, в 1908–1909 гг. в Москве было задержано всего 7 таких преступниц. Примерно половина злодеяний в состоянии опьянения совершалась в группе, а 40 % из них – совместно со взрослыми ²².

Влияние потребления алкоголя на уровень и характер преступности было изучено довольно основательно. Врачи и криминалисты полностью признавали тесную связь между алкоголизмом и преступностью в различных её видах. Сама же проблема народного пьянства находилась на переднем крае среди других вопросов российской действительности конца XIX – начала XX в. Она неоднократно рассматривалась в Государственной думе и Государственном совете. Её острую грань, несомненно, составлял вопрос о женском алкоголизме, который в то время развивался весьма стремительно. Женская алкоголизация порождалась целым спектром социально-экономических и культурных аспектов, оказывая, в свою очередь, отрицательное влияние на различные сферы жизни общества.

Увеличение спроса на крепкие напитки в конце XIX – начале XX в. связывалось с ростом количества регулярных потребителей спиртного. По мнению известного экономиста В. К. Дмитриева, участие женщин в потреблении спиртных напитков зависело от господствовавших в окружающей среде взглядов. Так, в юго-западных, малороссийских, а отчасти в северо-западных губерниях, где крестьянская женщина пользовалась большей самостоятельностью, потребление женщинами алкоголя было обычным явлением. В великорусских губерниях крестьянка являлась практически бесправной, в том числе и в потреблении спиртных напитков. В то время как для мужской половины деревни распитие водки являлось гражданским долгом, потребление алкоголя женщинами строго каралось общественным мнением.

Женщина наравне с мужчиной несла всю тяжесть страдной поры, а кроме того, выполняла нелёгкие работы по дому, но к вину доступа не получала. Как считал исследователь этой проблемы В. К. Дмитриев, она должна была испытывать стремление к какому-нибудь наркотику, который бы заглушил тягостное чувство переутомления и хотя бы на время приподнял угнетённое вследствие чрезмерного истощения организма самочувствие. Но

²¹ Диомидов И.М. Алкоголизм, как фактор преступности несовершеннолетних. С. 7–10.

Diomidov I.M., *Alkoholizm, kak faktor prestupnosti nesovershennoletnih*, S. 7–10.

²² Диомидов И.М. Алкоголизм, как фактор преступности несовершеннолетних. С. 7–10.

Diomidov I.M., *Alkoholizm, kak faktor prestupnosti nesovershennoletnih*, S. 7–10.

если бы даже великорусская крестьянка пренебрегала общественным мнением, то она все равно была лишена возможности удовлетворить свои потребности, так как все деньги и продукты находились под контролем мужчины.

В конце XIX в. в связи с экономическим кризисом сотни тысяч женщин, проживавших в землевладельческом районе, порвали с родным домом и ушли в поисках работы в города и крупные центры найма. Так возник новый обширный класс потребителей алкоголя. Им стали эмансипированные крестьянки. Освободившись от домашней опеки, получив возможность по личному усмотрению распоряжаться заработанными деньгами, женщины далеко не всегда проявляли достаточную воздержанность в спиртных напитках, и многие со временем становились регулярными потребителями алкоголя²³.

Траты на спиртные напитки являлись одной из наиболее крупных статей расходов фабрично-заводских рабочих и составляли до 1/3 заработка. Тяжёлые условия труда, продолжительный рабочий день, фактическое отсутствие досуга, низкая заработная плата, скудное питание, неудовлетворительные жилищные условия – всё это толкало рабочее население, в том числе женщин, к пьянству.

Следует отметить, что случаи злоупотребления алкоголем женщинами-работницами зачастую были вызваны давлением со стороны: при найме – чтобы заставить согласиться на худшие условия, во время работы – чтобы вынудить уставших работниц на сверхурочную работу, но чаще всего спаивание преследовало безнравственные цели²⁴.

Потребление спиртных напитков женщинами в конце XIX – начале XX в. укладывается в схему, предложенную С. А. Первушиным, который, исходя из классификации потребностей человека на материальные, духовные и бытовые, предложил выделить три разновидности массового алкоголизма: буржуазно-столовый алкоголизм (потребление алкоголя как обычного продукта питания), алкоголизм, вытекающий из недовольства собой или окружающим миром, когда спиртные напитки выступают в роли наркотиков, и обрядово-бытовой алкоголизм (потребление алкогольных напитков по заведенному порядку, традиции, унаследованной от предков).

Буржуазно-столовый алкоголизм был более всего характерен для зажиточных слоёв. Алкоголизм второго рода порождался жизненной неудовлетворенностью, С. Первушин назвал его социальным. У обездоленных классов причиной его развития выступала социальная необеспеченность, неуверенность в завтрашнем дне. Преобладающей чертой крестьянского алкоголизма являлась его тесная связь с обрядом.

²³ Дмитриев В. К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 2001. С. 224.

Dmitriev V. K., *Kriticheskie issledovaniya o potreblenii alkogolja v Rossii*, М., 2001, S. 224.

²⁴ Там же. С. 219, 224.

Ibid, S. 219, 224.

Исследователь отметил, что в реальности не встречалось чистых типов алкоголизма – все они носили смешанный характер. Например, сведение алкоголизма необеспеченных классов только ко второму типу есть до известной степени «насильственное упрощение жизни»²⁵.

Особенностью дореволюционных исследований является то, что в них отсутствует чёткое определение понятий «алкоголизм», «пьянство» и «потребление спиртных напитков». Их значения практически тождественны, что создаёт определённые трудности для правильной интерпретации концепций авторов.

В настоящее время под термином «алкоголизм» понимается заболевание, характеризующееся развитием патологического влечения к алкоголю, психической и физической зависимостью от него. «Пьянством» называют чрезмерное потребление спиртных напитков, ведущее к развитию хронического алкоголизма²⁶. С. Первушин, выделяя три слагаемых алкоголизма, в своей классификации, скорее всего, имел в виду регулярное потребление алкоголя в больших дозах.

Массовая культура потребления алкоголя женщинами ничем особым не выделялась, она зависела от материального и социального статуса. На низших ступенях общественной лестницы последствия пьянства были наиболее устрашающими.

Преобладающей чертой крестьянского алкоголизма являлась его тесная связь с обрядом. Крепкие напитки потреблялись по самым различным поводам, будь то свадьба, похороны, крещение ребенка, проводы в армию, престольный праздник. По старинному обычаю было принято во время праздников навещать соседей, крестьяне семьями ходили по домам, потчевали друг друга и угощали вином. Это могло продолжаться в течение нескольких дней²⁷.

Монополька, шинки, пьянство и разгул – вот обычные темы, которых касались сообщения из деревень. Ни одного схода, ни одного общественного дела, семейного события или праздника не обходилось без усердного возлияния. Пили все – и старые и молодые, во всякое время дня и ночи²⁸.

²⁵ Первушин С. А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. СПб., 1912. С. 85.

Pervushin S. A., *Opyt teorii massovogo alkogolizma v svjazi s teoriej potrebnostej*, SPb., 1912, S. 85.

²⁶ Кирпиченко А.А., Гурленя А.Н., Пашков А.А. Нервные и психические болезни. Минск, 1998. С. 215–223.

Kirpichenko A.A., Gurlenja A.N., Pashkov A.A., *Nervnye i psichicheskie bolezni*, Minsk, 1998, S. 215–223.

²⁷ Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 582. Оп. 1. Д. 1172. Л. 4–63; Д. 1173. Л. 5–38.

State Archive of the Yaroslavl' Region (GAJaO), F. 582, Op. 1, D. 1172, L. 4–63; D. 1173, L. 5–38.

²⁸ К вопросу о борьбе с пьянством // Нижегородская земская газета. 1909. № 50. 24 декабря.

K voprosu o bor'be s p'janstvom, Nizhegorodskaja zemskaja gazeta, 1909, № 50, 24 dekabrja.

Священник Даниловского уезда Ярославской губернии К. Разумов сообщал, что незаконная продажа алкоголя организовывалась в деревнях, где зимой проходили общие посиделки. Хозяин дома, где собирались молодые люди, открывал и нелегальную продажу спиртного²⁹.

В конце XIX – начале XX в. женщины принимали заметное участие в нелегальном производстве и торговле крепкими напитками. Тайная продажа вина нередко организовывалась вдовой или солдаткой. Посетителям смело предлагалась водка и закуска – такого рода шинки походили на маленькие трактиры. Многие шинкарки, помимо водки, продавали и себя³⁰.

Результатом нелегальной торговли алкоголем было развитие хулиганства, усиление разврата, вовлечение в пьянство женщин и детей и т. п. Особенно вредны незаконные места продажи были тем, что в них водку отпускали не только на деньги, но и на вещи, до хлеба и одежды включительно. В них пропивался не только домашний скарб, но и целые постройки. В таких пунктах нередко принимали ворованное и отлично прятали «концы». Таким образом, тайная торговля вином служила одной из причин обнищания населения и распространения преступности³¹.

В период действия «сухого закона» женщины наравне с мужчинами занимались нелегальной торговлей спиртными напитками. Так, например, согласно отчётам полиции, 3 мая 1916 г. в г. Романов-Борисоглебск Ярославской губернии на пристани пароходства «Кавказ и Меркурий» была задержана крестьянка А. А. Александрова с 18 бидонами денатурированного спирта, оказавшегося питьевым спиртом завода «Кенига». В 1916 г. к ответственности за торговлю денатуратом была привлечена дворянка М. И. Маркевич. В начале февраля 1917 г. в тайной выделке спирта были уличены даниловский мещанин А. Б. Борисов, рыбинская мещанка Е. В. Смирнова, крестьянин Лифляндской губернии П. М. Бунде и т. д.³²

Рука об руку с алкоголизмом шла проституция. По мнению современников, начало XX в. отличалось падением нравственности у населения, особенно у женщин. Супруги изменяли друг другу и нередко после этого страдали от венерических заболеваний.

Крестьянин И. Г. Андреев, служивший половым в чайных и трактирах г. Ярославля отмечал: «Такой XX век. Всюду проституция, и всюду хулиганство. В городе и деревне, и законной брак совсем стал непрочен, его

²⁹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 5. Д. 4209. Л. 12.

GAJaO, F. 230, Op. 5, D. 4209, L. 12.

³⁰ Деревенское зло // Нижегородская земская газета. 1913. № 44.

Derevenskoe zlo, Nizhegorodskaja zemskaja gazeta, 1913, № 44

³¹ Нижегородская земская газета. 1909. № 47. 3 декабря.

Nizhegorodskaja zemskaja gazeta, 1909, № 47, 3 dekabnja

³² ГАЯО. Рб.ф. Ф. 117. Оп. 1. Д. 49. Л. 3-274; Ф. 140. Оп. 1. Д. 54. Л. 3-10; Д. 49. Л. 20.

GAJaO, Rb.f., F. 117, Op. 1, D. 49, L. 3-274; GAJaO, F. 140, Op. 1, D. 54, L. 3-10; D. 49. L. 20.

стали совершать для примеру и обычаю, но в семейной жизни тайной разврат супругов, и скверные венерические болезни». Проституцией занимались женщины различного возраста³³.

Нелицеприятное поведение со стороны крестьянок И. Андреев наблюдал как в своей деревне, так и других местах, на что неоднократно указывал в своем дневнике. Так, житель села Бурносолово Ярославского уезда крестьянин Запруднов – «мужик – как мирской бык», когда приезжал в город, то с ним «вотанились» и его женщины. Например, Настасья, приблизительно 30 лет, и её младшая сестра, обе замужние, и ещё несколько женщин – от 4 и более, и он всегда «поил их вином досыта», на какие средства – неизвестно. Зачастую допивались до бесчувствия и до позднего вечера просиживали в трактире. Обнимались, целовались, не стесняясь посетителей и служащих. Всем было известно, что эти женщины «имели связь с Запрудновым и другими лицами». «Даже довольно есть пожилые и некрасивые женщины тут же в компании с Запрудновым пьянствуют». А при возвращении домой женщины придумывали «какая-нибудь увертка, что либо соврать мужу и всем домашним, почему де они пробыли долго в городе, что либо задержало и т. п. Всегда и всюду одна и та же картина. Ну вот каковы наши деревенские женщины и каковы наши законные браки»³⁴.

В конце XIX в. было зарегистрировано резкое увеличение заболеваний, передававшихся половым путём. По расчёту на 10 тыс. чел. в 1888 г. заболело 12,7 чел., в 1890 – 15,7, в 1892 – 16,2, в 1894 – 20 чел. Женщины стремились скрыть наличие недуга, но возросла доля лиц, у которых болезнь обнаруживалась при прохождении обязательного медицинского освидетельствования, а также повысилось количество случаев заражения у мужчин.

Следует отметить, что официально проституция в рассматриваемый период находилась под контролем полиции, но касалось это, конечно же, городских жительниц. Профессиональные проститутки ставились на учёт, проходили регулярные обязательные медицинские осмотры, имели специальные документы³⁵.

По данным Медицинского департамента за 1883–1892 гг., в России умерло от отравления алкоголем 10 855 чел., а от белой горячки, в больницах и вне их, лечилось 217 тыс. чел. Отчёты российских психиатрических заведений свидетельствовали, что пьянство являлось причиной смерти у 12 % мужчин и 6,3 % женщин. Кроме смертей от опоя на долю алкоголиков выпадало ещё и немало несчастных случаев. В период с 1870 по 1887 г. погибло 363,1 тыс. чел. Из них от отравления алкоголем умерло 85,2 тыс., утонуло – 124 тыс., было убито – 51,2 тыс., покончило жизнь самоубийством – 36 тыс. Доля умерших от употребления спиртных напитков соответствовала 23,5 %

³³ ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 1172. Л. 4 – 63; Д. 1173. Л. 5 – 38.

ГАЯО, Ф. 582, Оп. 1, Д. 1172, Л. 4–63; Д. 1173, Л. 5–38.

³⁴ ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 1172. Л. 4 – 63; Д. 1173. Л. 5 – 38.

ГАЯО, Ф. 582, Оп. 1, Д. 1172, Л. 4–63; Д. 1173, Л. 5–38.

³⁵ Давыдов Н. В. Женщина перед уголовным судом. М., 1906. С. 46.

Davydov N. V., *Zhenshhina pered ugolovnym sudom*, M., 1906, S. 46.

от общей суммы случайных смертей. Больше людей гибло только на водоемах – 34,2 %. При этом следует учесть, что многие утонувшие, замерзшие, а также самоубийцы и убийцы могли находиться в состоянии опьянения³⁶.

Алкоголизм сопутствовал психическим заболеваниям. При переписи душевнобольных в Московской губернии в 1893 г. Оказалось, что спиртными напитками злоупотребляли из 777 мужчин 506 (65,5 %), а из 466 женщин – 96 (20,6 %). В 1901 г. в психиатрической больнице имени св. Николая Чудотворца в Санкт-Петербурге алкоголизм, как одна из причин душевного расстройства, был отмечен у 51,7 % мужчин и 20,8% женщин. В клинике проф. В. М. Бехтерева в 1893–1898 гг. лечилось 303 человека, из них 62 (20,4 %) были пьяницами³⁷.

Серьезным последствием чрезмерного потребления спиртных напитков было увеличение психических расстройств и суицидов. Рост количества самоубийств в начале XX в., в общем, соответствовал увеличению потребления спиртных напитков³⁸.

В конце XIX – начале XX в. нехватка средств к существованию толкала крестьян к их поиску в столице. Согласно медицинской статистике г. Санкт-Петербург, основная масса алкоголиков (кроме жителей Санкт-Петербурга), лечившихся в городских больницах, была выходцами из Центральной России. С большим отрывом преобладали отходники из Тверской, Ярославской и Костромской губерний³⁹.

В 1909 г. 1982 новых пациента обратилось за помощью в лечебницу для алкоголиков и нервнобольных Московского столичного попечительства о народной трезвости. По национальности 99 % больных были русскими (примерно 70 % – мужчины в возрасте от 25 до 45 лет). Кроме жителей Московской губернии, доминировали представители Тульской, Тверской, Владимирской, Нижегородской и Ярославской губерний⁴⁰.

³⁶ Труды комиссии по вопросу об алкоголизме и мерах борьбы с ним. СПб., 1908. Вып. 9. С. 441–442.

Trudy komissii po voprosu ob alkogolizme i merah bor'by s nim. SPb., 1908. Vyp. 9. S. 441–442.

³⁷ Алкоголизм и борьба с ним / под. ред. М. Н. Нижегородцева. СПб., 1909. С. 51–52. Alkogolizm i bor'ba s nim, pod. red. M. N. Nizhegorodceva, SPb., 1909, S. 51–52.

³⁸ Коровин А.М. Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903 по 1912 год. М., 1916. С. 12–15.

Korovin A.M., *Samoubijstva i potreblenie vodki v Evropejskoj Rossii s 1903 po 1912 god*, M., 1916, S. 12–15.

³⁹ Григорьев Н.И. Алкоголизм и преступления в г. С.-Петербурге. СПб., 1900. С. 162. Grigor'ev N.I., *Alkogolizm i prestuplenija v g. S.-Peterburge*, SPb., 1900, S. 162.

⁴⁰ Отчет Московского столичного попечительства о народной трезвости за 1909 год. М., 1910. С. 99–105.

Otchet Moskovskogo stolichnogo popechitel'stva o narodnoj trezvosti za 1909 god. M., 1910. S. 99–105.

От алкоголизма пытались лечиться лица самых различных профессий. Так, 7,11 % от общего количества больных были торговцами, 6,04 % – портными, 5,04 % – сапожниками, 4,31 % – фабричными рабочими, 4,36 % – приказчиками, 3,91 % – конторщиками, 3.19 % – дворниками⁴¹.

В конце XIX – начале XX в. жители России в условиях развивающегося капитализма с трудом переносили утрату традиционных патриархальных ценностей и привыкали к «капиталистической» действительности. Это в значительной мере способствовало алкоголизации населения, росту преступности. Регулярное потребление крепких напитков зачастую приводило человека независимо от его пола к алкоголизму и во многих случаях – к разрушению личности. Новой особенностью стал рост женского алкоголизма и на его фоне – падение нравственности и моральных ценностей. Супружеская измена перестала быть чем-то экстраординарным.

Различные формы женского негативного отклоняющегося поведения в конце XIX – начале XX вв. были тесно взаимосвязаны, а также сопровождали и дополняли друг друга. Это характерно и для сочетания преступности с алкоголизацией. Рубеж XIX – XX вв. явился ключевым этапом в преобразовании и модернизации российского общества. С утратой патриархальных ценностей формы и характеристики женского девиантного поведения сближались с мужскими аналогами. А эмансипация способствовала развитию, в том числе не свойственных ранее женщинам, проявлений различных форм отклоняющегося поведения.

На сегодняшний день большинство вопросов, связанных с отклоняющимся поведением, в том числе женским, в России в конце XIX – начале XX в., не утратило своей актуальности ни с научной, ни с практической точек зрения. Изучение темы в русле новых направлений исторической науки открывает новые и малоизвестные грани проблемы, а также даёт возможность переосмыслить давно известные факты.

Список литературы:

1. *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность: традиции конца XIX – начала XX века. М.; Тамбов: Издательство ТГТУ, 2004. – 303 с.
2. *Безгин В. Б.* Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломоносов, 2017. – 248 с.
3. *Дмитриев В. К.* Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М.: «Русская панорама», 2001. – 368 с.
4. *Куликова С. Г.* Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX веков). Гагарин, 2011. – 174 с.

Об авторе:

⁴¹ Ibid, S. 99–101.

КАРАНДАШЕВ Глеб Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, (150000, г. Ярославль, ул. Которосльская набережная, д. 46в), e-mail: karandashev@gmail.com

SOCIOCULTURAL FEATURES OF FEMALE DEVIANT BEHAVIOR IN RUSSIA IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES: CRIME AND ALCOHOLISM

G. V. Karandashev

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia

The article examines various forms of female deviant behavior in the late 19th – early 20th centuries. The author pays special attention to the study of the relationship between female crime and alcoholism. It is emphasized that the level of female crime and its dynamics were associated with the socio-economic and political status of women in society. From the end of the 19th century, as the living conditions of the sexes approached in the conditions of the developing processes of capitalist development, female crime approached male, factory workers became a new vast class of alcohol consumers. The author concludes that the most painful consequences of female drunkenness were manifested at the lower rungs of the social ladder, and crime, prostitution, mental and venereal diseases often accompanied this phenomenon.

Keywords: *deviant behavior, alcoholism, crime, prostitution, emancipation, modernization.*

About the author:

KARANDASHEV Gleb Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of National History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, (150000, Yaroslavl, Kotorosl'naya embankment str., d. 46 b), e-mail: karandashev@gmail.com

Referenses:

- Bezgin V. B., *Krest'janskaja povsednevnost': tradicii konca XIX – nachala XX veka*. M., Tambov, Izdatel'stvo TGTU, 2004. – 303 s.
- Bezgin V.B. *Povsednevnyj mir russkoj krest'janki perioda pozdnej imperii*, M., Lomonosov, 2017. – 248 s.
- Grigor'ev N. I., *Alkogolizm i prestuplenija v g. Sankt-Peterburge po materialam gorodskih bol'nic i arhiva okružhnogo suda*, SPb., 1900. – 245 s.
- Dmitriev V. K., *Kriticheskie issledovanija o potreblenii alkogolja v Rossii*, Moskva, «Russkaja panorama», 2001. – 368 s.
- Kulikova S. G., *Zhenskaja prestupnost' kak social'nyj faktor rossijskoj modernizacii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vekov)*, Gagarin, 2011. – 174 s.

Статья поступила в редакцию 18.12.2020 г.